

НЕ ЭПИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АНТОН ВЛАЩУК

Антон Влащук

Не Епическое фэнтези

<https://litres.ru/74145448>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда, чтобы выбраться из круга боли, нужно умереть. Сгореть дотла — и восстать из пепла, сбросив всё старое. Это странно, но мы приходим к этому снова и снова. Юмористическое фэнтези о погружении в боль и долгожданном выходе

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Антон Влащук

Не Епическое фЭнтези

Глава

Пролог

Дункан перехватил меч, преодолевая боль во всем теле. Изнурительная трехдневная битва с королевой ведьм истощила и его, и соратников. Слишком многие погибли, слишком много было потеряно, но отступать некуда. Сжав рукоять, воин поднял клинок перед собой, отбив очередную атаку. Отражение глаз на стали привлекло внимание: измученные, равнодушные, холодные и бесконечно усталые - он давно уже не понимал, ради чего продолжает лить кровь. Когда-то этот взгляд горел пламенем Арнидирского василиска, но сейчас отрешенность впервые заставила подумать о смерти. Дункан был готов принять конец. Усталость и боль, накопившиеся за годы странствий, в один миг обрушились на него, лишая сил для защиты. В то мгновение, когда смертоносный луч королевы почти коснулся Дункана, послышался звонкий женский голос:

- Твердь мать, Дункан!

Воительница закрыла его собой, и магия поразила ее в

спину. Она вскрикнула, сялясь поглотить энергию своим телом. К счастью, особенность кожи спасла обоих. Глядя на союзницу, Дункан внезапно очнулся. Алые капли в уголке ее рта напомнили: сейчас он бьется не ради чести или славы, а во имя близких людей и старых друзей. Эти мысли вернули решимость закончить начатое. Озарение снизошло на воина, и, наклонившись к девушке, он прошептал:

- Доверься мне...

Дункан достал нефритовый кинжал и вонзил его воительнице в живот.

- Ты что, совсем окунулся? - вскрикнула она, но воин лишь оттолкнул ее в сторону.

Вокруг лежали десятки павших товарищей. Ступая по хлюпающей крови, Дункан пытался отыскать старого друга - орка Дурманмарбурга. В небе сверкали молнии, повсюду сновали ведьмы, оглушая выживших дикими воплями. На вершине горы из трупов господствовала королева ведьм, испепеляя все живое изумрудными лучами. Заметив могучую фигуру орка, Дункан окликнул его и указал на врага. Выпрямившись, Дурманмарбург набрал ход. На бегу он оторвал голову очередной ведьме, засунул внутрь взрывную склянку и пнул ее, словно мяч, в другую противницу. Та, поймав голову сестры, зашлась в визге ужаса. Хлопок - и ядовитая кровь вместе с кусками плоти разлетелась по сторонам.

- Минус две, - подумал орк и ринулся к горе.

Когда они оказались совсем близко, Дункан дал сигнал,

чтобы друг подбросил его как можно выше. Прыжок. Дурманмарбург вложил всю мощь в этот бросок. С клинком в руках воин летел прямо на королеву. Та, опешив от подобной наглости, изумленно следила за его полетом. Она не боялась смерти, ведь ее убивали сотни раз, и сотни раз она возвращалась. Закричав что есть мочи, ведьма попыталась отбросить врага звуковой волной, но нефритовая сталь поглотила вибрации, как и рассчитывал Дункан. Королева успела сделать лишь шаг назад, когда лезвие вошло прямо в ее черное, не знавшее жалости сердце. Кровь брызнула из уст, и правительница поняла: эта смерть - последняя.

- Но как?.. - едва слышно прошептала она.

- Кровь твоей дочери, - ответил Дункан.

Из раны просочился ослепительный белый свет. Он начал стремительно заполнять пространство, пока мир вокруг не стал абсолютно белым.

Глава 1. Эльф

Четырехкрылый Латис облетал свои имения, наслаждаясь лучами серо-желтого солнца. Его владения простирались от северной реки, где начинался хвойный лес, до самой опушки на юге. Когда-то, во времена желтого солнца и яркой травы, его предки славились великолепными тонкими голосами. Но те дни давно минули, оставив лишь память о прекрасном пении – теперь у Латиса получались лишь визгливо-крякающие звуки. Ушедшее тепло воздуха пагубно отразилось на

певчем даре этих весьма гордых птиц.

Хозяин леса неизмеримо гордился своими владениями: стройными деревьями и обилием мха. У Латисов это считалось почетным, ведь они были мохоядными. Лес был полон жизни: во мху и листве постоянно что-то шуршало, трелькало или издавало звуки. Пролетая над небольшим озером, Латис наблюдал за тем, как охотится острозубый хвостonos. Птица недолюбливала конкурента и однажды собиралась серьезно с ним разобраться, но не сегодня – не в такой прекрасный день. Сегодня он будет отдыхать на любимой поляне.

Долетев до места, Латис увидел в самом центре странный холм, которого раньше здесь не было. Четырехкрылый приземлился на край необычного возвышения. Он знал, что хищники могут поджидать внизу, но любопытство взяло верх. Необычная структура почвы интриговала. Стоило птице сделать пару шагов, как тело обхватило что-то скользкое, розовое и мгновенно затянуло в пасть. Латис издал последний громкий визг, отдаленно напомнивший пение его предков. Холм зашевелился, спугнув жабу, которая только что проглотила владельца леса.

Молодой эльф очнулся от этого резкого звука. Он встал, огляделся и не узнал места. Постепенно пришло понимание: чужим было не только окружение, но и запахи, ощущения, и даже он сам. Юноша не мог вспомнить ни своего имени, ни возраста, ни того, как здесь оказался.

Солнце стояло высоко, пели птицы, во мху стрекотали горшунги – двенадцатикрылые насекомые, напоминающие морских коньков. По светилу эльф определил, что сейчас около полудня, а по пению птиц понял – началось лето. Острый слух четко определил виды пернатых; по каким-то причинам он точно знал, что сейчас у них время спаривания. Присутствие горшунгов подсказало, что он находится в южной части Межмирного королевства. Откуда взялись все эти знания, он не понимал, но в своих выводах был уверен.

Среди запахов коры и цветов эльф учуял смрад тролльего пота. Насторожившись, он медленно двинулся на запах, на ходу натягивая тетиву лука. Пройдя тридцать шагов, он заметил копошившегося в кустах полуметрового тролля в зеленой курточке поверх черного балахона.

— Чтобы зря не пропадало, чтобы не пропало зря, — бормотал коротышка, закапывая что-то в землю.

Затем он достал мешочек, вынул крохотный предмет, положил его на бугорок и продолжил работу, повторяя те же слова. Глаза тролля блестели от возбуждения, на лице играла довольная улыбка. Решив, что тот обокрал кого-то и теперь прячет добычу, эльф подобрался ближе и прицелился.

— Стой, тролль! — звонко проговорил лучник.

Тролль замер, удивленно уставившись на эльфа:

— И давно ты за мной наблюдаешь?

— Достаточно! — произнес эльф, подходя ближе. — Давай-ка доставай, что у тебя там?

— Не трогай! — враждебно воскликнул тролль.

— А то что?

С этими словами эльф начал ворошить перекопанную землю ногой. Лицо тролля исказилось: обида, гнев и скорбь сменили друг друга в одно мгновение. Он с яростью наблюдал за действиями чужака.

— Ты что натворил?! — завопил тролль и кинулся на обидчика с кулаками.

Смрад ударил в нос эльфу, все поплыло перед глазами, а почва стала уходить из-под ног. Маленькое существо бросалось на него с такой яростью, что на мгновение эльфу показалось, будто тот его одолеет.

— Пусть мои глаза и ноги меня подводят, но пока есть силы, я буду сражаться, — подумал эльф и резким ударом локтя отправил тролля в отключку.

Стояла жуткая вонь. Одной рукой закрыв лицо, а второй схватив тролля за капюшон балахона, эльф побрел прочь. Он шел к просвету между деревьями, и зловоние понемногу улетучивалось. Выбравшись из зарослей на большое поле, юноша наконец вздохнул с облегчением. Неподалеку он увидел лагерь, в котором кипела жизнь: люди готовили еду, собирали хворост и разгружали телеги.

В этот момент нечто мягкое и теплое прикоснулось к его спине. Не успел эльф дернуться, как был схвачен сзади, а острое клинка уперлось ему в шею.

— Отпусти Гримлика, — эльф тотчас повиновался власт-

ному женскому голосу и разжал ладонь. Троль рухнул на траву, не приходя в сознание. — Кто ты такой? — продолжил голос.

— Не помню, — ответил эльф.

— Зачем напал на Гримлика?

— Этот гад кого-то ограбил и прятал добычу в лесу.

— Только не говори, что ты попытался откопать... Твердь мать! Ах-ха-ха-ха!

Клинок перестал давить на шею. Обернувшись, эльф увидел смеющуюся девушку. Это была обнаженная брюнетка с длинными густыми волосами и абсолютно белой кожей. В ее зрачках будто плясало пламя за матовым стеклом. Эльф застыл, изумленно рассматривая прекрасную фигуру. Девушка продолжала хохотать во весь голос.

— Давно так не смеялась! Я-то думаю: откуда вонь? Что замер? Впервые воительницу увидел? — спросила она, хитро улыбаясь. Юноша не сразу сообразил, что обращаются к нему, а затем покраснел и резко отвернулся.

— Почему на вас нет одежды? — смущенно выдавил лучник.

— Как нет? Ты что, не заметил мои сандалии? С биркой, между прочим, последняя мода, — и девушка снова расхохоталась. — Как Гримлик тебя не убил за то, что ты сделал?

— Он пытался.

— А вонь пыталась сильнее? Ха-ха-ха-ха! — сияясь успокоиться, воительница задала новый вопрос: — Если ты ни-

чего не помнишь, стало быть, откуда ты – тоже не знаешь?

— Нет.

— Видимо, ты не проявленный.

— Что это значит?

— Что пока ты никому не враг. Идем со мной в лагерь, в любом случае ты не имеешь понятия, куда дальше двигаться.

— Убрав клинок за спину, девушка добавила: — Повернись уже, с твоей спиной сложно разговаривать. И пожалуйста, аккуратно бери Гримлика и следуй за мной.

Эльф осторожно подхватил тролля за шиворот и побрел за воительницей. Как ни пытался он отвлечься, рассматривая луг, взгляд все равно притягивала идущая впереди обнажённая фигура. На спине девушки, между лопаток, виднелся большой ожог – не от огня, здесь явно была замешана магия. Чуть выше из-под кожи выпирали две рукояти кинжалов, будто из кармана. Лучник испытывал смешанные чувства, наблюдая за изгибами тела и клинками, торчащими прямо из плоти.

«Она действительно в сандалиях», - подумал эльф. Он посмотрел на солнце, пытаясь немного ослепить глаза, чтобы перестать разглядывать спутницу, но ведь нужно было следить за дорогой. Эта мысль окончательно его успокоила, и он стал просто смотреть перед собой.

— Тебя как зовут-то? — спросила Лилель, не оборачиваясь.

— Я не помню, — ответил эльф, пытаясь выудить хоть

что-то из вязких образов, тонувших в мутном болоте памяти.

— Даже имя еще не проявилось, — сделала вывод девушка. — Я — Лилель, кстати.

Тем временем они подошли к лагерю, где своим чередом текла обычная походная жизнь. Эльф заметил, как воительница немного напряглась.

— Что, Лилель, очередного обожателя привела? — складывая дрова, произнес крепкий мужчина. По одежде и смуглой коже эльф определил в нем простого работника.

— Не смешно. Джозеф, ты лучше посмотри, какие у него странные уши, — голос девушки вновь стал строгим и властным.

— Я эльф, такие уши у всего моего народа.

— Слышал, Джозеф? Теперь с нами эльф, что бы это ни значило, — бросила Лилель, направляясь к палаткам.

— Эльф так эльф, — пробормотал Джозеф, провожая их задумчивым взглядом.

Лучник отметил про себя, что, судя по количеству лошадей и их сбруе, в лагере находилось около семидесяти воинов. Также он успел насчитать больше сотни работяг и более сорока женщин.

Лилель подошла к большому шатру, от которого доносился приятный аромат еды. Внутри могучий орк нарезал овощи, а в чане булькало что-то напоминающее похлебку. Вокруг очага стояли наспех сколоченные столы. Лилель поло-

жила руку на плечо эльфа и кивнула в сторону шторы и дальней стены:

— Там за занавеской есть лежанка, отнеси Гримлика туда.

— А, Лилель, проходи-проходи, — заговорил орк низким, на удивление бархатным голосом. Эльф подумал, что это, должно быть, повар, но к чему ему такое могучее сложение? — Что это за красавица с тобой? Дева, у вас очень большие уши! — брякнул великан.

— Это — эльф, а не дева, — сухо отрезала воительница.

Эльф покраснел, судорожно размышляя, стоит ли доставать лук. Такого приема он не ожидал.

— Ты же мне сама говорила недавно: если волосы длинные и причесанные, а бороды нет — то это женщина! — возмутился орк.

— У людей так и есть, а эльфов я раньше сама не встречала, — задумчиво протянула девушка.

— Эльф, стало быть, что бы это ни значило, — проворчал Барбардардун. — А с Гримликом что?

— Судя по всему, эльф умудрился прервать ритуал возложения...

— Правда? И как Гримлик его не убил? — то ли удивился, то ли восхитился орк.

— Видимо, не успел, — Лилель оглянулась на спутника, укладывающего бесчувственного тролля на лежанку.

— Господин эльф, позвольте представиться, меня зовут Барбардардун.

— Твердь мать, опять новое имя?

Орк слегка замялся, кивнул и, вздохнув, продолжил:

— Позвольте вас угостить драконьим салом.

— Ты же говорил, оно закончилось! — возмущенно воскликнула Лилель.

— Я припас на особый случай, — ответил орк. — Присаживайтесь, сейчас принесу.

Великан удалился, чтобы нарезать обещанное угощение.

— Драконье сало достал... — Лилель усмехнулась. — Это можно принять в качестве извинений. Судьба Барбардардунна не самая легкая. Он последний из своего рода и ему крайне важно продолжить род. Выбор пал на человеческих женщин, хотя в них он ничего не понимает. Вот и попросил меня помочь.

Орк вернулся и поставил на стол две тарелки зеленого мяса с белыми прожилками.

— Кстати, Барбардардун, если женщине сказать, что у нее большие уши, даже если это правда — можешь не сомневаться, она даст тебе пощечину.

— Это хорошо? — поинтересовался орк.

— Нет, ничего хорошего, — ответила Лилель.

Орк поразмыслил, достал из-за пазухи дощечку, что-то нацарапал на ней и убрал обратно.

— Скажи, Лилель, когда я говорю «у тебя большие глаза», тебе нравится?

— Ну да.

— Тогда почему про уши так нельзя?

— Вместо «большие» или «маленькие» всегда говори «красивые», тогда вряд ли ошибешься. А, кстати, где Борф? Что-то давно его не видно.

— С охоты ждем, овощной похлебкой всех кормлю.

Эльф взял кусок драконьего сала, понюхал его на всякий случай и положил в рот. В животе было пусто — он не мог припомнить, когда ел в последний раз, — и хоть запах казался странным, на вкус мясо оказалось вполне съедобным.

Внезапно послышалась тяжелая поступь. Эльф мысленно приготовился к драке. Лилель и орк заметили его напряжение и тоже насторожились. В палатку ввалилось нечто большое и белое, рухнув около очага. На деле же это был могучий воин, скинувший тушу белой лошади на пол.

— Ужин подан! — воскликнул он.

— Братиборф! — радостно крикнул орк. — Ты что, притащил единорога?

— Ты же знаешь, какой у него волшебный вкус, дружище...

Орк и воин рассмеялись.

— А кто этот лучник? — Братиборф перевел взгляд на эльфа. — Как будто он не из наших земель.

— Как ты так быстро понял, что это мужчина? — удивился орк.

— Вон у него кадык, а груди нет, — уверенно ответил Братиборф.

Орк вновь достал дощечку и что-то на ней вывел.

— Он не проявленный, — пояснила Лилель, — и он эльф.

Эльф смерил воина взглядом. Рядом с орком тот казался не таким уж огромным, чуть выше плеча, но Барбардартуну приходилось пригибаться, чтобы не задевать головой крышу шатра. Братиборф тоже разглядывал гостя. Под этим пристальным взглядом эльф почувствовал себя буквально прозрачным, но виду не подал, холодно выдержав тишину.

Братиборф широко улыбнулся, вытер руки о лоскут возле стола и протянул ладонь.

— Добро пожаловать, эльф, что бы это ни значило. — Юноша встал, отвечая на рукопожатие. — Неужели тут у вас драконье сало? Ты же сказал, что оно закончилось... орки такие орки. Эльф, надо тебе ночлег подыскать да рассказать, что тут и как, но все завтра. А сейчас, дружище, пожарь-ка нам единорога!

В палатку вошли еще три лучника, вернувшиеся с охоты с разной дичью. Они делились историями, пока дожидались еды. Солнце клонилось за горизонт, на огне шкварчало мясо, и его аромат разлетался по лагерю. В шатре собиралось все больше людей, рассаживаясь за столы. Эльф с любопытством наблюдал за ними — беседующими, спорящими и смеющимися...

В центре палатки стоял высокий стул. На него забрался тролль — очень похожий на Гримлика, но в синей куртке и с более благородным выражением лица. Он достал лютню, и

музыка наполнила упоительным покоем и без того уютную атмосферу. Эльф ощутил утешение в своём сердце. Орк раздал еду и сел за стол к охотникам, прихватив с собой целую жареную ногу единорога; эльф сперва решил, что это на всех, но орк поглощал добычу в одиночку.

В палатку, хромя, зашел воин в сияющих до блеска доспехах. Люди вставали в знак уважения. Он медленно прошел вдоль столов, кивая всем в знак приветствия.

— Это — Стоубитый, — слышал эльф перешептывания. Седая голова и густые белые бакенбарды скрывали часть лица воина, но было ясно, что он не только стар, но и прошел через сотни битв.

— Улар Синий! — позвал Братиборф. — Иди к нам.

— Что это вы без меня пируете, а? — веселый, бойкий голос бывалого бойца с легкой хрипотцой вселял в эльфа бодрость. Улар быстро завладел вниманием сидящих.

— Помню, как мы охотились на феникса, — начал Улар Синий. — Дождавшись, когда тучи затянут небо, мы последовали за ним — птица как раз летела прятаться от дождя. Хитрая тварь, хочу я вам сказать: выбрала пещеру повыше, но неглубокую, к нашему счастью. Гроза почти закончилась, когда мы подобрались к логову. Феникс спал, так что мы легко подкрались и окатили его крыло водой из склянок. Он подскочил так резко, что все повалились на землю! Птица в панике устремилась к выходу, расправляя крылья - видать, забыла, что снаружи ливень. Только феникс начал взлетать,

как Воллард и Боллард выпустили стрелы с веревками прямо в потухшее от склянок место у феникса . Там не было огня, и нити остались целы. Феникс рухнул со скалы, утянув за собой стрелков. Мы все вцепились в канаты — тяжелый оказался гад. Пришлось держать его, пока совсем не потух под дождем. Ну а после вытащили и добили, конечно. Без пламени феникс выглядел как дохлая ощипанная курица, да и мяса в нем немного, но зато какво на вкус! — протянул Улар, погрузившись в воспоминания. — Даже жгучей травы добавлять не нужно, так само по себе жжет.

— Самое вкусное мясо, которое я ел, — вставил орк.

— Ты ж тогда половину туши и заглотил, не остановить было, — хмыкнул Борф. — Последнее, что поджег тот феникс — это твоя задница, ха-ха-ха!

Со всех сторон грянул хохот. Смеялись все, кроме орка, который лишь качал головой и хмуро бормотал:

— Лучше не вспоминать, лучше не вспоминать.

Весь вечер эльф украдкой поглядывал на обнаженную Лилель. Он заметил, что остальные словно не замечали ее наготы. Зато теперь, в полумраке, стали видны шрамы, покрывавшие почти всю кожу воительницы; тени хорошо оттеняли рубцы, которые при свете солнца оставались невидимыми.

Стало совсем темно. Люди медленно расходились на покой.

— Пепельный так и не выходил? — спросил Братиборф у Лилель.

— Нет, — сухо ответила она.

— А кто такой «пепельный»? — поинтересовался эльф.

— Придет время — узнаешь, — отрезал орк, собирая посуду.

Братиборф встал, потянулся и, хлопнув эльфа по плечу, произнес:

— Пойдем, подыщем тебе ночлег.

Внезапно в палатку ворвался запыхавшийся, до смерти напуганный работяга Джозеф.

— Т-т-ам... — начал он, пытаясь вдохнуть. — Там ве...

Речь оборвала окровавленная рука с шестью острыми пальцами, резко выросшая прямо из его живота. Лицо работяги замерло, увековечив недосказанное слово. Эльф словно окаменел, не заметив, как мимо метнулся Братиборф. Ведьма еще не успела вытащить руку из жертвы, как могучий воин разрубил бедолагу надвое вместе с тварью и выскочил из палатки.

Отовсюду донеслись крики, лязг стали и ужасные, оглушающие вопли ведьм — от этого звука у людей из ушей текла кровь. Орк закрыл уши руками, но эльф не сопротивлялся пронзительному вою, не причинявшему ему боли. В этом крике он слышал страдание измученных душ, не находивших места от безысходности. Ярость вырывалась мощной волной, полной ненависти к себе и миру.

— Не спи! — грозно рявкнул Барбардун, толкнув эльфа в плечо так, что тот едва не упал.

Орк схватил секиру и бросился на крик. Лилель тоже исчезла. Эльф последовал за ними к выходу из пиршественного шатра, на ходу доставая лук. Оказавшись снаружи, он увидел дергано скачущих навстречу существ, отдаленно напоминавших людей с короткими руками и гигантскими горбами. Их рожи искажала одинаковая ухмылка и безобразные бородавки. В орка полетело несколько склянок. Одна разбилась, попав в ногу; зеленая жижа стекала по коже, шипя и испуская дым. Орк, даже не поморщившись, одним махом разрубил троих, а четвертого метким выстрелом в голову прикончил эльфа.

Недалеко они увидели лежащих работяг с кровью из ушей и измученными лицами. Чуть поодаль ведьма кромсала очередного несчастного, а вокруг сновали горбатые твари.

— Бери мелких! — крикнул Барбарддун и подпрыгнул высоко вверх.

Эльф такого не ожидал, но быстро проследил направление прыжка орка. Замерев на мгновение, он быстрыми выстрелами поразил горбунов. Ведьма обернулась, но слишком поздно — на нее уже летел Барбарддун с занесенной над головой секирой. Эльф решил было, что орк разрубит противницу пополам, но тот приземлился обеими ногами прямо ей на голову. Послышался хруст костей: голова прошла тело ведьмы насквозь и только после этого встретилась с землей.

Лучник почуял неладное и резко обернулся. К нему с огромной скоростью приближалась другая ведьма, разинув

страшную пасть. В свете луны блеснул меч, разрубивший тварь на лету, и косматая голова, покотившись по траве к ногам эльфа, уставилась на него безжизненными глазами. Юноша не успел даже дернуться — так быстро все произошло. Он лишь успел различить силуэт воина, доспехи которого блеснули в лунном сиянии. Незнакомец был ростом с орка, но двигался гораздо проворнее; эльф только моргнул, а воин уже исчез. Подумав, что ему почудилось, лучник перевел взгляд на голову ведьмы под ногами, доказывавшую обратное.

Вдруг послышались быстрые шаги маленького существа. Направив лук на звук, эльф приготовился к нападению, но из кустов выскочил Гримлик с криками:

— Ты все испортил!!!

Эльф инстинктивно отпустил тетиву, но в последний миг вскинул руку, и стрела пролетела над Гримликом, оставшись незамеченной. Троль набросился на эльфа и принялся молотить кулаками. Тот никак не мог поймать мелкого пакостника, оказавшегося на редкость ловким. Эльф получал болезненные удары, не зная, как отделаться от нападавшего. Барбардун, оказавшийся рядом, просто схватил взбесившегося троля за шкуру.

— Гримлик, давай потом, — сказал орк, нахмутив брови.

— А ты что, за него?! Отпусти! — завизжал Гримлик, извиваясь в мощной ручище орка. В ответ Барбардун запустил троля в стог сена, да так сильно, что тот в нем просто

исчез.

— Отпустил, как ты и просил, — пробормотал орк.

Впереди, в тридцати метрах над землей, зависла костлявая ведьма. Она держала за ногу Улара Синого, который совсем недавно сидел с ними за одним столом. Воин пытался дотянуться до противницы, но безуспешно — ее руки были неестественно длинными. Ведьма подняла Улара перед собой и крикнула так, что мощью вопля снесло его доспехи, одежду, а вслед за ними и кожу. Тело воина обмякло, и ведьма просто разжала пальцы. В крике этой колдуньи эльф слышал еще больше боли и отчаяния. Орк закрывал уши ладонями, пока вой не прекратился.

— Если ты выстрелишь с земли, — начал Барбардун, — эта тварь услышит стрелу и собьет ее криком. Давай я тебя подкину — шансов будет больше.

Эльф кивнул и прыгнул на руки орку. Тот поймал его и подбросил изо всех сил. Через миг лучник поравнялся с ведьмой. Она раскрыла пасть, чтобы завопить, но опоздала — стрела влетела ей прямо в рот. Эльф не ожидал увидеть глаза, полные тоски; подступившие слезы обреченности блестя в лунном свете. В ту секунду, когда стрела достигла цели, эльфу почудилась благодарность во взоре умирающей. Время стало тягучим, движения замедлились. Лучник наблюдал за угасанием истерзанной души. Взгляд ведьмы потерял ясность, напряжение спало с лица — она как будто даже стала немного красивее. Она осознала, что больше не будет

чувствовать душевную боль, это принесло ей долгожданное успокоение. Эльф вовремя понял, что падает, успел сгруппироваться и после пары кувырков легко приземлился.

Братиборф и орк неподалеку крошили горбунов.

— А эльф-то у нас не промах! — с ухмылкой крикнул Борф. — Увидел красотку и сразу сунул свою стрелу ей в рот!

Барбардун, разрубая очередного врага, разразился громовым хохотом. Вокруг все пылало. Обнаженная воительница справлялась с нечистью, ловко орудуя клинками, что сверкали даже на ее сандалиях. Изящно и быстро она отправляла противников на тот свет.

«Воистину — обнаженный танец смерти», — зачарованный зрелищем, подумал эльф.

— Только запустил стрелу в одну, а уже на другую смотришь? — Братиборф хлопнул эльфа по спине. — Пойдем, поможем нашим!

Троица двинулась в сторону звуков боя. Забравшись на холм, они увидели сотню горбунов и десятки ведьм, окруживших группу людей. В толпу врагов яростно врезалась Лилель, раскидывая их ударами острейших клинков. Братиборф, не медля ни секунды, бросился в гущу сражения. Теперь они вдвоем исполняли свой смертоносный танец. Орк прыгнул на ближайшую ведьму, разрубив ее секирой. Эльф же внимательно следил за небом: стоило какой-нибудь ведьме открыть рот, как он тут же поражал ее прицельным вы-

стрелом.

Перепуганных до ужаса женщин защищали несколько выживших воинов и работяг. С каждой минутой врагов становилось все меньше. По телу эльфа прошла сильная дрожь вместе со странным предчувствием. Сперва лучник расслышал тонкий писк, стремительно перерастающий в жуткий вопль. Даже горбуны закрыли уши и, корчась, повалились на землю. Эльфу тоже пришлось прижать ладони к голове — он оказался не в силах это вытерпеть. Зеленый луч смерти ударил туда, где находились женщины, через секунду оставив после себя лишь красноватый пепел.

— Королева! — в ужасе крикнула Лилель.

По ночному небу, плавно снижаясь, плыла королева ведьм. На голове ее сияла корона из белого и черного золота в форме ветвей капусинового дерева. За королевой следовало множество ведьм, а по земле прыгала тьма горбунов. Королева зависла в нескольких локтях над землей и сеяла смерть изумрудными лучами, испепеляющими все живое. Эльф осознал, что против нее не выстоять, и это чувство обреченности охватило всех.

Борф схватил Лилель и укрылся за большим валуном. Орк бросил секиру в сторону королевы, но та лишь дунула на летящее оружие, отправив его обратно с утроенной скоростью. Барбардун с трудом успел отпрыгнуть, в бессилии укрывшись за мощным пнем. Пока ведьма готовила новый удар, за ее спиной возник силуэт воина с копьем.

— Дункан, что ты задумал?! — услышал эльф голос Лилель.

Дункан вонзил копье в спину ведьмы, угодив прямо в сердце. Брызнула кровь. Ведьма стала судорожно хватать ртом воздух — она поняла, что это ее последняя смерть. Задышавшись, она рухнула на Дункана и из последних сил выдохнула:

— Но как?

Дункан сухо ответил:

— Ветвь капусинового дерева.

— Не-е-е-т! — закричала ведьма.

Из раны на ее теле просочился луч белого света. В следующий миг хлынул ослепительный свет, поглощая все вокруг, пока мир не стал абсолютно белым.

Глава 2

Изначально

Братиборф, помешивая варево в котле, начал рассказывать сидевшему рядом эльфу, с чего началась война между Дунканом и королевой ведьм.

— Жила-была маленькая принцесса. Она была семнадцатым ребенком в королевской семье и прекрасно понимала, что короны ей не видать. Власть предназначалась старшей сестре, ведь в этом королевстве корона передавалась по женской линии. Маленькая принцесса не желала оставаться в тени старших сестер и братьев и из кожи вон лезла, чтобы продемонстрировать, что она лучшая и самая достойная. На

это никто особого внимания не обращал, ей вообще уделялось очень мало времени. У родителей было много хлопот в королевстве, братья и сестры были заняты собой. Конечно, младшенькая пользовалась особым расположением в семье, и время от времени ее баловали. Из-за того, что ее таланты расцветали столь пышно, родители доверяли ее обучение разным учителям. Она умела фехтовать и танцевать, играть на лютне и вышивать, вести светские беседы, владела математикой и другими науками. Где бы принцесса ни оказалась, она с легкостью забирала все внимание себе, и хоть ее окружала всеобщая любовь, она неизменно чувствовала пустоту, не дававшую ей покоя. Она должна была быть лучшей и чувствовать истинную любовь. Немного повзрослев, принцесса отправилась в путешествие по дальним странам.

Жил-был маленький принц. Он был единственным ребенком в семье, и вся любовь доставалась ему одному. Он был переполнен ею и привык, что все всегда делается для него, он не знал забот. Учился как все, ничем не выделялся — ему не нужно было добиваться расположения, оно и так было у него. Принц жил в своё удовольствие, и больше всего на свете его занимали тайны мироздания. Когда принц стал старше, у него появился младший брат; нянчился с малышом он немного, но успел научиться ответственности. И вот ему пришло время отправляться в путешествие и постигать науки.

Странствовать довелось по разным королевствам и все-

возможным университетам, в одном из которых принц и принцесса встретились глазами и прошли мимо друг друга. Второй раз они столкнулись на балу и познакомились, общие интересы объединили их, и завязалась дружба. Вместе они гуляли, разговаривали и смеялись — очень много смеялись, любили ходить на балы и танцевать до рассвета. Принц с каждым днем все больше был очарован принцессой, а она им. Юноша видел в девушке сочетание всего самого прекрасного, что могло быть присуще женщине: талант, грацию, чувство юмора, ум и, несомненно, красоту. Принцессе же нравился его неординарный взгляд на вещи, его статность, красота и сила, чувство защищенности, которое возникало рядом с ним. Любовь крепла с каждым днем.

В один из вечеров после бала случился первый поцелуй, и начался период нежности и страсти в их жизни. Принц и принцесса встречались, оставаясь наедине все чаще, не желая расставаться ни на миг. В этом уютном мирке было место лишь для них двоих, и они погружались в мир любви глубже и глубже, без остатка растворяясь друг в друге. В этой безграничной любви и отдаче они постепенно теряли себя. Их судьбы не просто сплелись — они слились душами настолько, что чувствовали присутствие друг друга, даже когда были одни.

Невозможность побыть наедине с собой со временем начала тяготить принца. Он не знал, что делать, порой отгалкивая принцессу, но после каялся, просил прощения и воз-

вращался. Принцесса же тем временем начала осознавать, что принц не так идеален, как она представляла, и постепенно в нем разочаровывалась. Затем пришло понимание, что отношения стали утомительны, и они расстались.

Время шло, принц и принцесса познакомились и встречались с другими, но никто даже близко не дарил им хотя бы оттенок тех чувств, что были друг к другу. Случайно оказавшись на одном балу, они пересеклись взглядами — сердца забились чаще, руки задрожали от волнения, все было понятно без слов. Через полгода сыграли свадьбу. Поскольку королевства принца и принцессы были соседними, родители уступили им часть земель. Они возвели замок, в котором поселились, назвав свою землю Межмирным королевством, и стали править им. Через год принцесса, теперь уже королева, забеременела, а принц же, ныне король, ждал наследника с нетерпением. По законам его страны корона передавалась от отца к сыну. Королю приходилось заниматься государственными заботами, и хоть он был безмерно счастлив, когда родился сын, дела короны не терпели отлагательств. Всё чаще он поздно возвращался в их покои. Королева ощущала угасание чувств, всё реже и реже общалась с мужем. Она размышляла о том, для чего получала столько знаний, зачем ей столько способностей, если в итоге она лишь нянька. Она чувствовала себя запертой. Снова в тени.

Однажды королева сказала мужу, что тоже хочет править, и он выделил ей часть земель, позволив делать что ду-

ше угодно. Ощутив сладость власти, она стала вмешиваться в дела мужа. Тот был рассержен, но любил ее и позволял учиться, хоть и видел ошибочные решения. Королеве же просто нравилось быть во главе. Уставшая от материнских забот, она наконец чувствовала себя живой. Однако король со временем перестал терпеть её недальновидные приказы и запретил вмешиваться в дела государства.

Королева не смирилась и обратилась к магии — к черной магии.

— Грань монстра, грамм монстра... Мальф, как там она называется?

— Монстрграль, — ответил Мальф.

— Точно, — сказал Братиборф и продолжил: — Королева обратилась к магии Монстрграль. Поначалу король полагал, что это лишь шалость, но не успел оглянуться, как колдовство совершенно поглотило ее. Она чувствовала свою силу и независимость все больше и начала показывать магию их сыну. Король был категорически против. Они ругались днями напролет, пока их ссора не переросла в войну. Обращенные магией встали на сторону королевы, остальные же остались при короле. Тот пытался взывать к благоразумию супруги, но было поздно. Находиться в королевской тени, наблюдая за жизнью со стороны, она не собиралась. Она превратилась в Ронду, Королеву ведьм, а он стал Дунканом, Воином Пламени. Он всегда сражался с огнем в глазах. Это сейчас Дункан — Пепельный воин, его огонь погас. Бесконечные битвы

с супругой и мысли о том, что ему вообще приходится это делать, наполнили его взгляд тоской.

— А их сын? — поинтересовался эльф.

— Говорят, сына забрала Ронда, но он не выдержал магии и умер. Тогда-то у Дункана глаза и потухли.

Стояла ясная погода. Холодные оттенки зеленого леса сочетались с гладью алого озера, на берегу которого располагился лагерь. Поодаль в низине сидели эльф, Братиборф, помешивавший варево в котле, и тролль Мальф. Неподалёку ловил рыбу орк — теперь его звали Бульбульдур. Братиборф не впервые рассказывал историю войны, замечая, что с каждым разом она обретает все больше деталей и драматизма. Но что делать? Кто-то же должен посвящать прибывших в былое, а одну и ту же историю рассказывать было скучно, вот он и приукрашивал детали, оставляя суть неизменной.

— Что стало с соседними королевствами? — спросил эльф. — С землями родителей Ронды и Дункана?

— Погрязли в войне, — вздохнув, сказал Братиборф. — Родители Ронды вступились за нее, не зная про магию, а когда правда открылась — значения уже не имела. Родители Дункана и я также вступили в войну, конечно, на стороне моего старшего брата. Родители были немолоды и скончались еще в первое пятилетие войны. Дункан стал королем и этих земель. У стана врага всё сложилось примерно так же: братья и сестры Ронды кто погиб, кто бежал, кто пропал без вести. Война длится уже два десятилетия, королевство в руи-

нах, многие народы сгинули навечно. Феи из Блиятского леса, розовощёкие гоблины... троллей почти нет — вон только Мальф да Гримлик. Орк последний в своем роде, да и людей выжило не так много. Остатки народов, уставшие от резни, попрятались кто куда. Все, кто хоть как-то хочет бороться, находятся у нас в лагере. Столько ведьм поубивали, а они всё прут и прут.

— Лилель тоже ведьма?

— Нет, ей удалось бежать. Есть девушки, которых Монстрграль не берет. Сначала их отпускали, но они сражались на стороне Дункана. Тогда их стали насильно терзать колдовством — так у некоторых кожа становилась неуязвимой. Их решили убивать, заливая жидкое пламя в горло, но Лилель удалось скрыться.

— Прости, но мне очень любопытно... а почему она ходит без одежды? — немного волнуясь, поинтересовался эльф.

Братиборф тут же ответил:

— Как без одежды? А сандалии?

Повисла неловкая пауза. Эльф растерялся, а Братиборф, глядя на него, расхохотался во весь голос.

— Ладно, шучу я, — давась от смеха, сказал он. — Хоть ее кожа неуязвимая, да не ко всему. Ты же заметил шрамы?

— Да, — эльф кивнул.

— Так вот, раньше Лилель носила доспехи. Но ведьмы каким-то образом приручили арнидирского огнедышащего василиска. В отличие от драконов, пламя василиска намно-

го горячее — оно за секунду расплавил доспехи Лилель. Ее кожа оказалась бессильна против столь яркого пламени, и растопленный металл вплавился в плоть.

— Какой ужас... — прошептал эльф.

— Да... Представляешь, чего нам стоило удалить металл с ее тела? Она сильно страдала и кричала от боли. Неуязвимая кожа заживает намного дольше, Лилель мучительно восстанавливалась. С тех пор она не носит одежду, только обувь. Видишь вон ту, самую большую телегу? — Братиборф указал пальцем в левую сторону лагеря, где стояли обозы с припасами и оружием.

— Да, — ответил лучник.

— Она вся забита сандалиями, туфлями да сапогами.

— Там, верно, больше сотни?!

— Гораздо больше. И откуда она их только берет?

— Да ладно вам! — неожиданно подал голос Мальф. — Это всё похотливые выдумки Творца.

Эльф удивленно взглянул на тролля.

— Мальф верит, представляешь? Что все вокруг создано кем-то. Вот это озеро, горы вдали, лес, земля, на которой мы сидим... что тебя и меня создал некий Творец, — ухмыльнулся Братиборф.

— Да, я думаю, что так и есть. А откуда тогда это всё? А? Потрудись-ка ответить, Борф?

Братиборф вздохнул и голосом всезнающего мудреца начал свое повествование:

— До всего был пузырь...

— Хуйзырь, — перебил его Мальф.

— Ты что, знаешь гномий язык? — удивленно спросил Братиборф.

— Значит, в гномов и их наречие ты веришь, а в Творца — нет? Свидетельств тому, что они существуют, нет, — ехидно процедил Мальф.

— Они существуют! Мне рассказывал отец! — воскликнул Братиборф и тут же осекся, понимая, что довод вышел довольно слабый.

— Сказки это, — нарочно парировал Мальф.

— Ты дашь мне закончить? — повышая тон, сердито спросил Братиборф.

Мальф замолчал, всем видом показывая, что перебивать более не намерен. Братиборф успокоился, выдохнул и начал рассказ:

— До начала всего был пузырь. Из пузыря вылупился Отец Небо, а затем Твердь Мать. Отец Небо оплодотворил солнцем Твердь Мать, и она родила всех существ.

— Закончил? — не выдержал Мальф.

— Да!

— Борф, ты никогда не думал, что в этой твоей байке солнце — это член Отца Небо?

— Так и есть! А дождь, по-твоему, откуда?

— Согласен, с этим трудно спорить, — усмехнулся Мальф.

К компании подошел орк с уловом и молча принялся чистить рыбу. Мальф продолжал, пытаясь отыскать правду:

— Вот скажи мне, Борф, откуда взялся этот пузырь?

— Ниоткуда, он просто всегда был и всё!

— Как это — был и всё? Откуда-то же он взялся!

— Видишь ли, Мальф, — вставил слово Барбардун, — из-за того, что мы всю жизнь видим, как что-то рождается, живет и умирает, нам трудно представить, что нечто просто было всегда.

— Еще один пустослов пришел, — проворчал Борф. — Хотя я и рад, что на этот раз ты на моей стороне. Они все время какие-то непонятности обсуждают, — обратился Борф к эльфу, кивнув в сторону тролля и орка.

— Я думаю, что мы проявляем свою истинную суть, когда Творец на нас смотрит. А когда не смотрит — мы живем как хотим, — не успокаивался тролль. — Вот еще вопрос: ты говорил, что Лилель — самая красивая женщина, которую ты когда-либо видел, так?

Братиборф потупился и произнес:

— Ну, говорил...

— Почему же именно самой красивой женщине такая судьба досталась, а? Всегда ходить обнаженной? Ни тебе, ни мне, ни нашему прекрасному орку — вот было бы занятно! — ни кому-то еще?

Братиборф подскочил к Мальфу и сквозь зубы, еле сдерживая гнев, произнес:

— Знаешь, Мальф... если Творец существует, то он ответит передо мной за все мучения Лилель!

Схватив удочки, Братиборф направился к воде.

— Что это с ним? — изумленно произнес Мальф.

— Кто ж знает... — орк, не желая продолжать спор, решил сменить тему. — Пока я ловил рыбу, вот что подумал. Дотрагиваясь до холодной воды, я ведь не сразу чувствую холод. Что, если со зрением так же?

— Объясни, — заинтересовался Мальф.

— К примеру, свет не в то же мгновение всё освещает, — рассуждал орк, — а с какой-то очень быстрой скоростью. Наши глаза схватывают образы тоже не в миг, а как кожа — с опозданием, но совсем незаметным.

— Отец Небо! Что ты несешь?! — крикнул Братиборф. Он разделся и полез в воду, чтобы немного остыть.

— Не обращай внимания, продолжай, — Мальфу очень хотелось дослушать идею Барбардардуна.

— И получается: если свет идет с опозданием и зрение с промедлением, значит, мы всегда видим мир как будто чуть-чуть в прошлом и никогда — в настоящем.

— И? — вопросительно протянул Мальф.

— И ничего, — ответил орк.

— Вот именно! Ничего! — крикнул Братиборф и нырнул.

Все трое замолчали. Солнце неспешно садилось. В этой умиротворяющей тишине неожиданно звонко раздался вопрос эльфа:

— Как вы думаете, о чем кричат ведьмы?

— Чего? — в один голос отозвались орк и тролль, непонимающе уставившись на лучника.

Братиборф, возвращавшийся с купания, переспросил:

— Я правильно услышал? О чем кричат ведьмы? Что ты имеешь в виду? Они же просто верещат изо всех сил.

— Вы разве не слышите в их криках тоску и боль? Разве вы не видели слезы? — задал вопрос эльф.

— Не обманывай себя, слезы — от давления, которое они создают в голове, — ответил Борф.

— Я смотрел в ее обреченные глаза и слышал крик, полный скорби и тоски.

— Это лишь очень громкий вой! И всё! Или у тебя какие-то особенные уши? — любопытствовал Братиборф.

Все уставились на длинные заостренные уши эльфа.

— Хм...

Эльф не ожидал, что кто-то еще присутствует при их разговоре. Он обернулся и увидел удаляющуюся спину Дункана.

«Интересно, давно он там стоял?» — подумал лучник.

Закат яркими всполохами освещал алое озеро, отчего оно становилось бордовым и похожим на вино; местные в шутку называли его Винным озером. За редким лесом находилась небольшой городок с населением в тысячу душ, где отряд пополнял припасы. Несколько недель Братиборф, работники и воины принимали участие в восстановлении домов, помо-

гали горожанам наладить хозяйство и какое-никакое управление. Таких поселений раньше было много, но из-за войны королевство потеряло целостность, и возвращение закона и порядка стало главной заботой.

Сегодня они решили отдохнуть, помыться, наловить рыбы. Братиборф велел всем отправляться спать и, подхватив улов, зашагал в лагерь первым. В лагере эльф наблюдал, как Борф отдает приказы, выставляет ночных дозорных, дает распоряжения на утро. Лучник так увлекся, что не заметил, как к нему со спины подошла воительница.

— Я уже и не помню, когда Дункан раздавал приказы, — сказала Лилель, присоединившись к эльфу. — Борф не один год заправляет всеми делами.

— У него хорошо получается.

— Так было не всегда, — хмыкнула Лилель. — Дункан замкнулся после смерти сына. Борф взял на себя бремя власти, ему пришлось доказывать, что он достоин своего брата. На это понадобилось время.

— Он же брат короля. Люди должны просто слушаться, разве нет?

— Они подчинились без возражений. Но сильнейшие воины и командующие так просто не будут бросаться в бой ради претендента на трон — они должны были увидеть лидера.

Борф отдал очередной приказ, сурово глянув на работяг, потом заметил Лилель и эльфа, и его лицо тут же смягчилось.

— Борф теперь наш правитель, — подвела итог Лилель.

— А Дункан?

— С давних пор Дункан выходит из палатки только на битвы с ведьмами. Но ты его чем-то заинтересовал, раз он вышел прогуляться.

После этих слов Лилель направилась к Борфу. Эльф, почесывая свое длинное ухо, размышлял, чем же он мог быть интересен Дункану.

Оказавшись в своей палатке, он едва прилег и мгновенно провалился в сон. Ему чудилось алое озеро. Вдали слышался красивый женский голос; эльф двинулся к воде, откуда навстречу шла прекрасная девушка в прозрачной тунике. Юноша замер. Девушка приблизилась и прикоснулась к его щеке ладонью — касание показалось пугающе осязаемым. Лучник вздрогнул и открыл глаза.

Та самая девушка из сна сидела на его бедрах, сжимая их своими. Эльф до конца не понимал, сон это или уже явь; всё было как в тумане, он и не думал сопротивляться. Девушка наклонилась к его лицу и улыбнулась. Время начало растягиваться, движения замедлились. Секунды словно стали минутами, а эльф наблюдал, как улыбка красавицы становится всё шире, а острые зубы проступают всё отчетливей.

«Как же хорошо», — думалось эльфу, и он улыбнулся в ответ.

Рот девушки открывался всё больше. Вдруг из него показалось острое клинка. Сталь практически коснулась лица

эльфа, брызнула кровь.

«Надо же, какая игривая», — мечтательно шептал эльф.

Девушка закатила глаза и стала подниматься в воздух, пока не повисла в полуметре над ним.

«Красавица! — продолжал грезить лучник. — И летать умеет!»

Девушка на последнем издыхании рыгнула кровью эльфу в лицо. Это отрезвило его мгновенно. Наконец очнувшись, лучник увидел всё как есть. Он вытянулся на походной лежанке, у его ног стоял Дункан, а на клинке воина — прямо над самим эльфом — висела пронзенная ведьма. Сердце бедняги заколотилось, ужас сковал тело. Дункан откинул мертвую тварь в сторону и, встретившись взглядом с ошарашенным лучником, тихо и твердо сказал:

— Бери оружие.

По какой-то причине от этих слов эльфу стало немного спокойнее. Собравшись с духом, он встал, но Дункана в палатке уже не было. Эльф начал различать звуки с улицы: крики, вопли ведьм, бряцание стали. Реальность, в которую он вернулся после прекрасного сна, была слишком неожиданной. Схватив лук и силясь сообразить, что делать дальше, он выскочил из палатки и тут же споткнулся о труп очередной ведьмы. Упасть, однако, не успел — его подхватил Братиборф.

— Остановим их, пока они не добрались до поселения!

Эльф бросился бежать за Братиборфом. Отовсюду появ-

лялись уродливые горбуны, над землёй сновали и верещали ведьмы. Эльф начал отстреливать горбунов, а Братиборф, взобравшись на телегу и преодолевая боль в ушах от крика, прыгнул что есть мочи в ту сторону, где зависла одна из тварей. Воин настиг ведьму и разрубил ее пополам. Приземлившись, Братиборф оглянулся было на результат своего удара, но не обнаружил на земле останков. Он поднял глаза.

Светила полная луна. Две половинки ведьмы зависли в воздухе, постепенно соединяясь, пока она снова не стала целой и невредимой. Тварь победно ухмыльнулась. Братиборф и эльф удивленно наблюдали за действием, не понимая, что происходит. В этот миг орк Бульбульдур атаковал ведьму сверху, расплющив её о землю своими мощными ногами. Эльф и Борф переглянулись.

— Ну, что встали?! — рывкнул Бульбульдур.

Оживившись, умелые воины расправлялись с окружавшими их горбунами, хоть те и кидались склянками с ядовитой жижей. После очередного выстрела эльф расслышал знакомый певучий голос из сна. Сразу уловив направление звука, он указал на скалу у озера и помчался что есть сил. Братиборф и орк, спасаясь от ужасного воя, закрыли уши — они не слышали эльфа и не заметили, как тот убежал.

Приблизившись к скале, эльф заметил пещеру, из которой исходил зеленый свет; оттуда же шел звук. Лучник медленно приближался. Свет становился ярче, из пещеры выбежали горбуны и медленно выходили ведьмы, а за ними следо-

вала сама королева. В ее руках светилась магическая сфера, испускавшая изумрудное сияние.

Как только главная ведьма вышла из пещеры, со скалы прямо на нее обрушился Дункан, разбив сферу своим молотом. Ведьмы вокруг заверещали, обращаясь в пепел; горбуны падали в судорогах, ломавших их и без того уродливые тела. Королева ведьм, растворяясь в воздухе черным снегом, смогла лишь спросить, глядя на Дункана:

— Но как?

— Черный молот покаяния.

Лицо королевы исчезало последним, безмолвно застыв и не сводя взгляда с Дункана. Когда оно растворилось без следа, на его месте зародился маленький лучик света, который становился всё больше и больше, поглощая мир вокруг, пока всё не стало абсолютно белым.

Глава 3.

Латимория

Эльфа разбудила неровная дорога. Его голова подпрыгнула на очередной кочке и, громыхнув о дно телеги, наполнила голову звоном — скорее внутри, чем снаружи. Эльф нехотя пытался открыть глаза, не понимая, где он. Пелена сна не отпускала, с большим трудом ему удалось разглядеть очертания человека, стоящего над ним с кинжалом в руках. Эльф потёр глаза и увидел над собой испуганное лицо работяги, бормочущего себе под нос:

— Не могу, не могу... — повторял тот, кинжал дрожал в его руке.

— Что не можешь? — приподнявшись на локтях, спросил эльф.

— А-а-а! — заорал мужик и выпрыгнул из телеги.

«Странно», — подумал эльф.

Телега была закрыта со всех сторон. Лучник встал и, удерживая равновесие, вышел к кучеру, где сидел Братиборф, держа в руках вожжи.

— Ага, проснулся. Ну, садись...

— Не знаешь, чего это он? — пристроившись рядом, спросил эльф.

— Кто? — недоуменно отозвался Борф.

— Ну этот, что со мной внутри был.

— Не видел никого. Может, тебе приснилось? — предположил воин.

— Кажется, нет.

Длинная череда повозок ехала по открытому полю, усеянному фиалками. Небо было чистое, а солнце наполняло теплом окружающий мир.

— Куда мы едем, Борф?

— В Латиморию, город на берегу моря. Тебе понравится, — усмехнулся Братиборф.

— Борф, хочу спросить... — эльф задумчиво помолчал несколько секунд, собирая мысли в кучу после столь резкого пробуждения. — Что за белый свет появляется, когда Дун-

кан убивает ведьму? Вот сейчас — как будто ничего не было, хотя я точно помню, что было. Все словно заново.

— Заново, да не для всех. В прежние времена мы жили как полагается: рождались, росли, двигались вперёд. Потом случилась война, но и она шла своим чередом. И вот, когда война должна была закончиться, вместе со смертью королевы ведьм стал появляться белый свет. Или магия какая-то, или что-то ещё — никто не выяснил до сих пор. Каждый раз, когда Дункан убивает королеву, из её тела вырывается это сияние, и мы просыпаемся в другом месте. Мы помним, что было до белого света. Все из нашего отряда помнят свою смерть. Вот Стоубитый Улар — как думаешь, почему такое прозвище? Он чаще всех из нас переживал гибель. Лет семь назад он стал Стоубитым. Его доле не позавидуешь. У некоторых и вовсе меняется прошлое.

— Это как — меняется прошлое? — удивился эльф.

— Например, Лилель. Кстати, её полное имя Лялялилиэль.

— Какое красивое имя, — сказал эльф, про себя повторяя имя неуязвимой девушки.

— Только не вздумай её так назвать! Она терпеть этого не может. Говорит, слишком слащавое и приторное имя подарила ей судьба. Так вот, в один из прошлых белых отрезков Лилель была дочерью королевы ведьм. А путь был лишь один, чтобы убить королеву: обмакнуть нефритовый клинок в кровь её собственной дочери. То есть Лилель, как ты по-

нимаешь. В тот раз Дункану пришлось ранить её. Не смертельно, конечно.

— А теперь она не дочь королевы?

— Нет. С тех пор её прошлое изменилось, и Лилель — сбежавшая от ведьм девушка, ставшая воительницей. После белого света мы проснулись и помнили её новое прошлое. Хотя и старое помнили, но не слишком отчетливо. У орка, который теперь Барндиндардур, каждый раз меняется имя.

— Я тоже знаю его новое имя, но помню, что до белого света оно было другим.

— Так это и происходит. У Лилель не до конца проявленная судьба, у орка — имя. У тебя, я так понимаю, ещё ничего не проявлено? — уточнил Братиборф.

— Да, — согласился эльф и добавил: — Я пытаюсь вспомнить хотя бы свое имя, но всё напрасно.

— Навыки лучника у тебя уже хорошие.

— А у всех так? Для чего тогда мы помогали в городке, если всё опять вернётся обратно? — задался вопросом эльф.

— Это происходит не со всеми, только с нашим отрядом, который борется с ведьмой. Остальной мир живёт нормально, медленно восстанавливаясь после нападений, но ведьмы продолжают натиск. Вот, кстати, очень давно Гримлик был один, а потом вдруг у него появился брат Мальф. И мы все его уже знаем, а он знает нас, хотя до белого света его не существовало.

— А скажи, Борф, что я сделал Гримлику? Почему он на

меня напал?

— Хе-хе. Гримлик — тролль, у него таково устройство, что всё не так, как у людей. Он ходит по-большому один раз в два года. Его испражнения, что оставляет он после себя, чрезмерно плодородны — любые растения в том месте растут во много раз быстрее. У троллей это называется ритуалом возложения.

— ...ногой его кучу? — эльфу вспомнился тот жуткий смрад при первой встрече с Гримликом, который заполнял всё вокруг. Тошнота подкатила к самому горлу и, к счастью, прошла без последствий.

— Ха-ха-ха! Да, понимаю, вонь жуткая. Гримлик тщательно выбирает место для своего ритуала. У него всегда с собой мешочек с семенами очень редкого растения.

— Я видел, как он его доставал, но решил, что тролль кого-то ограбил. Даже не знаю, как извиниться перед ним, — осознав свою ошибку, произнес эльф.

— Не переживай, отойдёт. Дай ему время, — ответил Борф.

Эльф решил, что всему своё время и однажды Гримлик его простит. Он задумчиво уставился вдаль. Стена серого пара до небес возвышалась перед ними. Серый мрачный туман извергала почва на горизонте. Борф заметил, куда смотрит эльф.

— Это горячие гейзеры Ашрантам. К ним лучше не подходить, если только не хочешь свариться заживо.

Когда караван поворачивал, эльф обратил внимание на одну странную телегу. Она была выше других, вся покрыта непонятными знаками. Три символа повторялись в одинаковом порядке по всей обшивке. Первый выглядел как крест на боку, второй — такой же крест, но без нижней части, а третий не был похож ни на что. Эльфу трудно было подобрать описание — возможно, во всем была виновата маленькая птичка над третьим символом, именно она придавала всей надписи какую-то таинственность.

— Братиборф, а что значат знаки на той телеге?

— Какие-то премудрости, полагаю. Барндиндур говорит, что видел подобные символы в одной книге в детстве. Какие-то сказки про гномов.

— А что в телеге?

— Это наше особое магическое место, пристанище для заблудших душ. Место, где каждый обретает себя и находит успокоение своим неиссякаемым думам. Если ты неспокоен и не можешь ни с кем разделить свои мысли, то лучше всего пойти туда — в дом, где тебя всегда ждёт Душный Мудрила.

— Это имя?

— Он бесконечно мудр и знает всё о душе. Как его еще должны звать? Так-то его никто никогда не видел, и просто к Мудриле не попадёшь. Особый отвар из редких ягод, что раз в два года собирает Гримлик, помогает Мудриле раскрыть мудрость ещё лучше. Конечно, тролль отвар никому даром не даёт — тут все его должники так или иначе. Но, если у

кого-то нет оплаты, Гримлик всегда идёт навстречу и делится в долг, потому что знает, как это важно для отряда.

— Вот в чем причина его злости на меня... — задумался эльф. — Помимо ритуала и урожая, я подвёл весь отряд...

Чувство вины неприятным холодком пробежало по спине. Он только появился, а уже всех подвел. Эльф старался не подавать виду, что сильно переживает, и решил сменить тему:

— Получается, свет появляется, когда королева умирает?

— Да... — ответил Братиборф на новый вопрос.

— Дункан никогда не проигрывал битву?

— Никогда...

Эльфу хотелось побольше узнать о мире, в котором он оказался. Братиборф снисходительно относился к его любопытству, словно отец, спрашивающий ребенка об устройстве мира.

— Сколько раз это уже происходило? — продолжал эльф.

— Я сбился со счета. Но сейчас, возвращаясь в деревни, где я был после первых белых вспышек, замечаю: маленькие дети, которых я встречал раньше, уже стали молодыми мужчинами и красивыми девами...

Эльф минуту помолчал, обдумывая услышанную информацию:

— Неужели нет выхода?

— Ищем, думаем, но ничего стоящего нет. Как будто в картине отсутствует важная деталь, а какая — не ясно.

— А если Дункан проиграет?

— Такого не будет, — сурово отрезал Братиборф.

— Я просто подумал... выйдет ли из него белый свет?

Братиборф с недоверием посмотрел на эльфа и задумался.

Повисла пауза.

— Знаешь, эльф, — чеканя каждое слово, сказал Братиборф, глядя на дорогу перед собой, — мы этого никогда не узнаем. Даже если свет не появится из Дункана и всё не начнётся заново, проверять этого никто не будет. Я с ним против ведьм хоть целую вечность буду сражаться, тебе ясно?

Лучник промолчал. Он чувствовал, что задел Братиборфа своими размышлениями.

— Хм...

Эльф повернул голову. Дункан на своей лошади ехал рядом с телегой, практически не создавая шума — чем и отличались Равиндийские скакуны. «И давно он слушает разговор?» — подумалось эльфу.

— В Латимории нас ждет ответ про срастающихся ведьм. А, Дункан? — обратился к брату Братиборф.

— Нас всегда ждет только наше предназначение.

После этих слов Дункан пришпорил скакуна, направившись к началу каравана.

— Люблю поболтать с братишкой, пусть он и не так красноречив, как раньше, — эльф усмехнулся было, решив, что Братиборф саркастически шутит в своей манере, но тут же осекся. В голосе Борфа звучала такая грусть, что шуткой тут и не пахло.

— А вон и Латимория виднеется, — сказал Борф.

Латимория — величественный город, основанный Рахно-ясом Первым. Расположенный на вершине скалы, на берегу Ортосова моря, город исконно делился на две части. Так называемая Верхняя Латимория находится на поверхности и представляет собой множество небольших домиков с красными, синими и оранжевыми крышами, белыми стенами и ставнями в цвет крыш. Множество деревьев, раскинувших свои ветви по кровлям, виноградники вдоль стен, цветущие сады — всё это создает невероятное ощущение, будто сама природа сотворила его прямо из скалы.

Дорожки в Латимории вымощены камнями разных цветов, чтобы путник не сбился с пути. Например, жёлтая дорога ведет к городской площади, где стоял — увы, ныне разрушенный войной — памятник основателю города. Рядом находятся руины в прошлом величественного дворца, а за ним — королевская усадьба, чудом уцелевшая. По зелёной дороге можно попасть к лекарям, разным травницам и прикупить составляющие для зельеварения. Синие и голубые дорожки прокладывали путь к школам, университетам и библиотеке. Оранжевые и красные, так называемые дорожки сладострастия, которые находились на окраинах, уводили в пещеры — следуя по ним, можно найти разного рода утехи и увеселения. Дорога из сиреневого камня, точнее — тропинки со всех сторон города, вели к храму Отца Небо, величественно-

му монументу, который выглядел как высокая башня с шаром на вершине.

Самое удивительное, что ровно в этом же месте, но под землёй, в Нижней Латимории, находится храм Твердь Матери. Храм является полной противоположностью башни Отца Небо и представляет собой колодец около двух десятков метров глубиной и около десяти шириной, по стенам которого расположены лестницы и окна комнат служителей, находящихся в скале. Всё это украшено большим количеством разнообразных цветов. Храм символизирует лоно матери-земли и зарождение всего живого.

Нижняя Латимория спрятана в скале, в гигантской пещере. Омываемый морем нижний город связан с верхним множеством дорог, прорубленных в камне. Тут находится знаменитый Латиморский порт, через который в прошлом шла почти вся торговля Межмирного королевства, но сейчас тут в основном занимались рыболовным промыслом. Особенность подводного ландшафта позволяет даже неопытному рыбаку иной раз выловить что-то совершенно новое — рыбу, которую ещё никто не пробовал. В такой день рыбалка останавливается, и эту находку везут в специальное здание, где принялись проверять, не таит ли мясо погибель. Если рыба признается съедобной, то её максимально реалистично зарисовывает специальный художник. Дальше рыба переходит к специалисту по названиям — он всего один на весь город, и профессия передаётся от отца к сыну. Этот человек дол-

го изучает обличье пойманной рыбы, смотрит на величину, общие пропорции челюсти и тела, длину плавников, выпуклость глаз и так далее, и находит максимально подходящее к форме созвучие.

Один из прошлых назывателей любил очень длинные названия, за что его самого не очень жаловали. К примеру, из-за него обычный краб синего цвета, который стал довольно часто появляться в этих местах, называется синегривый клешнеголубый игровуртый крабс. По традиции название всегда следует произносить полностью, и сокращение является проявлением неучтивости и нарушением этикета — что уж тут говорить, этот называтель до старости не дожил. Как-то рыбаки позвали его на рыбалку, и больше этого человека никто не видел да и не вспоминал. Его вдова быстро вышла замуж за соседа, а подрастающий сын доучился по учебникам и стал одним из лучших назывателей за всю историю нижней Латимории. Его имя — Рамик Леблудь. Он называет рыб максимально коротко и звучно: то ли от невероятного таланта, то ли от нежелания повторить отцовскую участь.

Система освещения в Нижней Латимории совершенно уникальная. С шести утра до девяти восход солнца освещал город светом самого солнца, потом оно поднимается, и в пещере наступает дневной полумрак до половины одиннадцатого. После одиннадцати солнце наполняет своими лучами купол храма Верхней Латимории, и при помощи искусного плетения зеркал свет попадает в храм вниз, и уже от-

туда, бесчисленными отражениями, освещается город. Храмы были возведены так, чтобы символизировать, как Отец Небо оплодотворяет солнцем Твердь Мать. Но так было в прошлые времена, а с тех пор, как солнце стало серым, верхняя Латимория, ранее пестревшая цветами и зеленью, стала скорее серо-зелёным городом. Нижняя же погрузилась в полумрак даже при ясной погоде.

Почти весь караван остался в пригороде: работники пополняли запасы, воины кормили и поили лошадей, женщины отправились на местные рынки. В сам город вступил лишь небольшой отряд, возглавляемый Дунканом. Лилель осталась, сославшись на то, что нужно присмотреть за караваном. На самом же деле она не хотела ловить на себе бесчисленные взгляды незнакомцев, и все это понимали, поэтому не спорили. Гримлика не позвали вовсе: при любой удобной возможности он нападал на эльфа, и Борф решил держать их друг от друга подальше. Ехали молча до самого храма Отца Небо. При Дункане никто не вёл праздных разговоров — как-то и не хотелось. Возле храма Дункан спешился, отдал вожжи брату и молча вошёл внутрь. Братиборф лишь сказал ему вслед:

— Мы будем там, где обычно.

«Где обычно» оказалось названием таверны. Братиборф, Мальф, Барндиндур и эльф расположились на веранде второго этажа заведения. Уютное местечко посреди суетливого города, где можно было расслабиться и отведать мно-

жество блюд, аромат которых заполнял всю улицу. Деревянные столы и стулья, ненавязчивые перегородки из листьев оранжевой дандрисы и трактирные разносчицы в шапочках из этих же листьев. Хозяин заведения был не местный и привез эти растения из своих земель — глядя на них, он вспоминал о доме.

— Ох, наконец-то поедим! — воскликнул орк. — Пегасых крылышек мне, да побольше! И бочку пивуса! — крикнул он в сторону кухни.

— Тарелку гороха и латиморского чимонеза! — в том же направлении гаркнул Мальф.

— Фейские глазки есть? — спросил Братиборф. Со стороны кухни донеслось, что в наличии есть только циклопий глаз.

— Циклопий... фу, гадость. Тогда кабана и паштет из кракена.

На столе лежало меню, но никто его не взял, кроме эльфа. Он изучал лист с перечнем яств, когда почувствовал на себе пристальные взгляды. Не придав этому значения, он по примеру остальных крикнул в сторону кухни:

— Пельмени с виверной, водоросли по-латиморски, кисель пачёчё и краб в соусе ван-кур-асье-пар!

Мальф, Борф и орк удивлённо уставились на эльфа.

— Даже и не знал, что тут есть такая еда, — первым заговорил орк.

— Вы никогда не открывали меню? — спросил эльф.

— Мы стараемся остерегаться всяких книг с большим количеством букв, — ответил Мальф.

— Букаф надо говорить, неуч, — поправил Братиборф. — Книжки опасны, даже если они про еду. Они могут заставить мысли течь в том русле, в котором твоё воспитание не позволяет. Или создать совсем новое русло, и, плывя по неизвестному течению, непонятно, где ты можешь оказаться.

Эльф выдержал взгляд Братиборфа и ответил:

— Твои мысли полны тревог, возможно, тому есть причина. Но мне сложно отказывать себе в удовольствии узнать что-то новое. Хоть и соглашусь: никогда не знаешь, к чему это может привести. Содержание моей книги подвластно лишь мне, что туда вписать — решаю лишь я. И я верю: с чем бы мы ни столкнулись в жизни, оно не испортит нас, а лишь откроет то, что было скрыто.

Никто не ожидал подобных слов от эльфа, и все лишь удивленно хлопали глазами.

— Красивый тост! — оценил слова Мальф.

— А вот и пивус принесли, выпьем за это! — подхватил орк.

Братиборф какое-то время смотрел на эльфа, потом улыбнулся:

— Ну ты задвинул! Ха, я на миг решил, что передо мной сидит не молодой паренёк, а какой-то столетний дед. Ах-ха-ха!

Все громко рассмеялись, кроме эльфа, который замолчал

и весь оставшийся вечер не проронил ни слова. Он тихо ел и слушал байки соратников. Так они сидели, пока темнота не начала наполняться силой, поглощая остатки дня.

— Ладно, пора, — поставив пустую кружку, сказал Брати-борф. — Остановимся неподалеку, в ночлежке «Лисьи ушки». Туда придет Дункан.

— Зачем он отправился к служителям Отца Небо? Они разве разбираются в ведьмах? — поинтересовался Мальф.

— Их мудрость трудно переоценить, — ответил Борф. — Они могут не знать наверняка, но подскажут нужное направление. Служители видят мир не как мы, последовательно — они смотрят кругами. Говорят, что всё есть извечный пузырь: где всё начинается, там и заканчивается. Муть полная, конечно, но иногда помогает.

— Если ведьмы продолжат срастаться и оружие перестанет их брать, то, неровен час, всё пойдет прахом, — добавил орк.

— Сейчас нам любая информация пригодится. Мы не ведаем, что произошло с той ведьмой, которую ты раздавил. Она срослась после удара секиры — почему бы ей не обратиться после того, как ты вмял её в землю? Если это подтвердится, то нам осталось недолго. Ведьмы задавят нас количеством. Кто знает, что ещё припасли их гнилые сердца?

— Ведьмы тоже появляются заново после белого света? — спросил эльф.

— К сожалению, да, — ответил Борф. — Только с каж-

дым разом становятся всё жутче, страшнее и уродливее. Поначалу мы бились с толпой красоток, было довольно легко, мы в своей победе не сомневались. Сейчас же это безжалостные чудовища. Ну, не будем о грустном после столь хороше-го ужина. Пойдём.

Компания дружно вышла из заведения. Пару кварталов спустя эльф спросил:

— А где Барндиндардур?

— Видимо, пошёл искать будущую мать его орчат, — предположил Мальф.

— Твердь Мать, нашел время! Давайте вернем его, — произнес Братиборф, и троица двинулась обратно.

За углом таверны стоял орк, придерживая волосы какой-то пьянчужки, пока ту выворачивало съеденным. Орк, глядя на рвотные массы женщины, заискивающе говорил:

— Ох, вы так же красивы внутри, как и снаружи...

Бабенка, еле держась на ногах, кое-как собрала глаза в кучу и глянула на орка. Тот с улыбкой ждал ответа, но женщина, икнув, вырубилась, повиснув на собственных волосах. Барндиндардур обернулся к товарищам и с надеждой спросил:

— Это же хорошо? Она не сопротивляется. Я так далеко ещё не заходил...

— Оставь её, Барндиндардур. Положи на сено. Она в отключке и, ясно дело, не то, что ты ищешь.

— Разве? — орк приподнял пьянчужку повыше, понюхал

её и протянул: — Да-а, не пионы.

Он положил женщину на сено, и компания направилась в ночлежку. У входа в «Лисьи ушки» их уже ждал Дункан.

— Что, братец, удалось что-нибудь выяснить? — спросил Братиборф.

— Нет, — отрезал Дункан. — Завтра мы вместе с эльфом пойдём к служительнице Отца Небо. А вы ступайте в Нижнюю Латиморию к Ванже Маравое и ждите.

— Ванжа ведь давняя знакомая Гримлика? — уточнил Мальф. — Не лучше ли прихватить его с собой?

— Хорошая мысль, — сказал Братиборф. — Я останусь в лагере, а к вам отправлю Гримлика.

— Так тому и быть, — подытожил орк, и они отправились на покой.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.